

УДК 81'27:316.614

Т. А. Чеботникова

Роль-маска: условия реализации и нейтрализации

В статье освещается вопрос вхождения личности в социокультурный контекст. На основе анализа фактического материала установлено, что индивид, прошедший различные уровни социализации и ставший личностью, обладает способностью трансформировать свое речевое поведение с целью создания и изменения собственного образа в соответствии с поставленными целями и решаемыми задачами.

Ключевые слова: языковая личность, речевое поведение, театральность, роль-маска.

Изучение теоретической литературы и анализ фактического языкового материала показали, что игра и театр присутствуют в жизни индивида постоянно. По мнению Н. Евреинова, в человеческой природе, кроме инстинкта самосохранения, заложен инстинкт театральности — инстинкт преображения, который позволяет личности при помощи внешних изменений повлиять на окружающих, внушить им нечто, что отсутствует в реальности. Вторя Шекспиру, Евреинов пишет: «В нас постоянная воля к театру, наша каждая минута — театр, мы все, в известной мере, Дон Кихоты и Робинзоны, и вся наша жизнь, *volens-nolens*, проходит под режиссерской ферулой»¹. Каждый моделирует свой образ, и актерство, игра становится образом жизни. «Желанье казаться молодым или, наоборот, не молокососом, скрыть свои недостатки или, наоборот, кокетливо их выставить напоказ, «прослыть» за кого-нибудь, «выглядеть» так-то или таким-то — что это, как не действие театрокрации, которая на дне румян престарелой матроны, и во флаконе духов «его превосходительства», и в жире черной помады усов старца, и в каждом слое кожи изменчиво-верных каблучков низкорослого, и на острие бритвы, и на зубцах гребешка, везде, везде!»² Игрой личность организует себя и свое существование. Борется с действительностью и стремится сохранить свое достоинство. «Идея «жизнь есть игра» или «жизнь как игра» — идея выживания, спасения и надежды на удачу»³.

Н. Н. Евреинов замечает присутствие театральности в разных областях человеческой жизни: «Театральная начинка просачивается в самые отдаленные уголки жизненного пирога... И перестаешь отличать фарш от теста». Этот инстинкт проявляется в борьбе за существование как в природе, так и в обществе, только в природе он проявляется как бессознательная мимикрия, а в обществе как сознательное лицедейство, способное принести плоды в виде определенных искомых благ: «Наше актерство в жизни всегда оплачивается, и даже очень щедро порою. Разве, обретая уважение, любовь, симпатию к изображаемому нами лицу (допустим, что мы сами, в нашем животном эгоизме, не способны внушить такое отношение), разве мы в таком случае остаемся без гонорара, а все выгоды, которые можно извлечь из уважения к нам, любви, симпатии, — разве они не приводят иногда к настоящему богатству? <...> Кроме материальной выгоды, быть может, нам не нужной, всегда при удачной игре мы обретаем духовную выгоду. <...> В борьбе за существование театральность, как имитационная, так и инновационная, сыграла громадную роль: лишенные таланта разыгрывают роли, сочиненные другими, одаренные же им воплощают в жизнь плоды своей фантазии. Театральность — могучий метод борьбы в природе, приводящий к отбору наисмышленнейших лицедеев в жизни»⁴. Под театральностью мы, вслед за другими исследователями⁵, понимаем своеобразный лингвосомиотический инструмент, способствующий точно рассчитанной реализации человеческой потребности в формировании удобной для своего существования среды обитания; инструмент,

© Чеботникова Т. А., 2012

включающий механизм презентации и самопрезентации как необходимых элементов речевого воздействия на среду и социум.

Приспособление личности к обществу, среде, внешним условиям обычно обозначается номинациями такого типа, как: «играть», «разыгрывать что-то», «маскироваться», «устроить театр», «притворяться», «прикидываться», «делать/принять вид», «играть роль», «перекрасить шкурку», «поменять шкуру», «казаться кем-то/каким-то», «рисоваться», «вести игру», «напустить на себя что-то», «перегримироваться», «играть/ломать комедию», «изображать из себя что-то/кого-то», «носить маску», «принять облик», «разыгрывать комедию/представление», «строить из себя кого-то/что-то», «употребить дипломатию» и т. п. Значение каждого из членов представленного однородного ряда может быть определено как сознательное лицемерие, внушение переоценки своей общественной значимости в глазах других, заигрывание, симуляция, что по своей сути является тем же, что в биологии именуется мимикрией.

Кроме этого, представленный выше перечень слов («играть», «притворяться», «маскироваться» и пр.) и словосочетаний, одним из компонентов которых являются слова «театр», «комедия», «роль», «маска» и пр., со всей очевидностью показывает, что театр и игра активно вовлекаются личностью в собственную жизнь, а поскольку жизненный процесс осуществляется в условиях общения, то, соответственно, и общение сопровождается элементами игры и театра, ведущим атрибутом которого является маска, сама, в свою очередь, являющаяся эмблематическим изображением театрального искусства в целом.

Ю. М. Лотман писал, что в историко-культурном пространстве человеческого бытия маска является одним из давних спутников «человека культурного» в многочисленных ипостасях, скрывая его подлинное «Я» и представляя в обличье, по выражению М. Фуко, «другого, отличного от других».

Маска как отказ от собственного облика, собственной идентичности — весьма показательная черта существования личности в рамках социума, диктующего определенные правила и законы. Будучи динамическим механизмом, роль-маска позволяет личности функционировать в изменяющейся действительности, а также способствует установлению состояния колеблющегося равновесия в среде ее обитания. Мотив самопредъявления, запускающий масочный механизм в действие, имеет социальную природу и детерминирован представленностью социальной системы в психике индивида и, наоборот, существованием психики индивида в рамках социальной системы.

Адекватное оформление и успешное исполнение роли-маски предполагает наличие широкого когнитивного диапазона, языковой компетенции, коммуникативной компетенции, актерских способностей, психологического настроения. В диссертационном исследовании М. В. Шпильман, посвященном изучению и описанию коммуникативной стратегии «языковая маска» на материале произведений А. и Б. Стругацких, была сделана попытка прогнозирования типов языковых личностей, способных реализовать коммуникативную стратегию «языковая маска»⁶. Различая типы языковых личностей в зависимости от уровня их языковой компетенции, М. В. Шпильман пришла к выводу, что стратегию «языковая маска» могут реализовать прежде всего: 1) языковая личность, владеющая высоким искусством слова, — автор художественного произведения; 2) языковая личность, демонстрирующая хорошее, ремесленное владение языком; 3) языковая личность, владеющая интеллигентным языком, который А. А. Шахматов называл «языком узкого круга образованных лиц».

Перечисленные типы языковых личностей, вне всякого сомнения, потенциально способны использовать стратегию «речевая маска» и, соответственно, исполнить роль-маску, создать образ-маску, поскольку являются носителями элитарного типа языковой

культуры (или полнофункционального типа), которых отличает максимально полное владение всеми возможностями языка, умение использовать функциональный стиль в соответствии с ситуацией общения, строго различать нормы устной и письменной речи, пользоваться всем богатством языка (синонимами, образными выражениями, разнообразием интонаций), соблюдать все этические нормы общения, а главное, способность руководствоваться принципом соразмерности и целесообразности. Вместе с тем носитель элитарного типа речевой культуры настолько хорошо и свободно владеет языком, что может себе позволить и языковую игру и балагурство, интонационно выделяя употребленные намеренно неправильные, просторечные, диалектные слова и формы, всегда осознавая, когда допустимо нарушить норму, а когда это совершенно неуместно⁷. Будучи многорольной и многомерной, языковая личность элитарного, или полнофункционального, типа речевой культуры демонстрирует готовность и способность варьировать свое речевое поведение в связи с изменением компонентов ситуации общения или их соотношения, умение исполнять разные речевые роли, которые состояются из освоенного и «присвоенного» разностилевого репертуара языковых средств применительно к конкретным обстоятельствам общения⁸.

И. Н. Горелов и К. Ф. Седов в числе показателей высокого уровня коммуникативной компетенции и, как следствие, принадлежности языковой личности к элитарному типу называют степень владения риторическими жанрами и способность переходить от первичных жанров к вторичным, близким по коммуникативной цели жанрам, например быть способным осуществить переход от первичного жанра ссоры к вторичному, «высокому» жанру спора. Изложенная позиция названных исследователей уходит корнями в теорию речевых жанров М. М. Бахтина, который различал стандартные жанровые формы (многообразные короткие бытовые жанры приветствий, прощаний, поздравлений, всякого рода пожеланий, осведомлений о здоровье, о делах и т.п.) и творческие жанры устного речевого общения (салонные беседы на бытовые, общественные, эстетические и иные темы, застольные беседы, интимно-дружеские, интимно-семейные и т.д.). Стандартные жанры обладают высокой степенью устойчивости и принудительности. Речевая воля говорящего обычно ограничивается здесь избранием определенного жанра, и только легкие оттенки экспрессивной интонации (можно взять более сухой или более почтительный тон, более холодный или более теплый, внести интонацию радости) способны отразить индивидуальность говорящего; возможной оказывается также переакцентуация жанров: так, например, жанровую форму приветствиями из официальной сферы можно перенести в сферу фамильярного общения⁹. Жанры устного речевого общения, подобно художественным жанрам, поддаются «свободно-творческому» переоформлению и в силу этого оказываются одним из главных способов отражения или «заострения» индивидуальности личности. М. М. Бахтин писал: «творчески свободное использование не есть создание жанра заново — жанрами нужно хорошо владеть, чтобы свободно пользоваться ими. <...> Чем лучше мы владеем жанрами, тем свободнее мы их используем, тем полнее и ярче раскрываем в них свою индивидуальность (там, где это можно и где это нужно), гибче и тоньше отражаем неповторимую ситуацию общения — одним словом, тем совершеннее мы осуществляем наш свободный речевой замысел»¹⁰.

В качестве примера виртуозной жанровой переакцентуации приведем фрагмент рассказа Т. Толстой «Политическая корректность», в котором автор, будучи личностью элитарного типа культуры, демонстрирует способность «отливать свою речь в разнообразные композиционно-стилистические формы» с целью достижения желаемого результата:

В своей статье для американского журнала я как-то процитировала строку Пушкина: «Потомок негров безобразный». Мне позвонил редактор: «Вы что, с ума сошли?»

Я не могу напечатать эти слова». — «Но Пушкин это сказал о себе». — «Этого не может быть». — «Может». — Молчание. — «Снимите строку». — «Не сниму». — «Тогда давайте вашу статью напечатаем под другой фамилией». — «Тогда я вообще снимаю свою статью и напечатаю ее в другом месте, сославшись на вашу цензуру». — «Это тоже невозможно. Ваш Пушкин что, расист?» — «Наш Пушкин эфиоп». — Долгое молчание. — «Слушайте, без этой строки ваша статья только улучшится. Поверьте мне, старому редактору».

Долгий визг с моей стороны о том, что я уже семьдесят лет слышу, и что советская власть, и понятно что. И что я от бабушки ушел, и от дедушки ушел, а от тебя, политическая правильность, и давно уйду. Визг не помогает.

Тогда я меняю тактику и, холодно, злобно, раздельно: «Так. Мало того, что черных вы, белые, держали в рабстве в течение трехсот лет. Теперь вы затыкаете рот единственному русскому черному поэту, томившемуся в неволе среди берез тоталитарного строя. Вот он, расизм. Вот она, сегрегация. Генерал Ли сдался, а вы — нет. Мы что, в Алабаме?..» Пушкина напечатали.

Находясь в условиях статусно-ролевого взаимодействия (автор — редактор), автор, отставив свою точку зрения, производит переакцентуацию жанровой формы путем изменения модели речевого поведения, переходя с нейтрального, этикетного на эмоционально насыщенный и доводя его до злобно-обвинительного. Последняя разновидность в данном конкретном случае и представляет собою роль-маску, которая получает реализацию в гротескных обвинениях, возмущении и негодовании.

Из вышеперечисленных типов языковых личностей третий тип наиболее активен с точки зрения реализации коммуникативной стратегии «языковая маска» и исполнения роли-маски как речеповеденческой модели в ситуациях разговорной речи, что обуславливается наличием достаточно высокого уровня интеллекта, образования в сочетании с присущим данному типу творческим началом. Т. Г. Винокур отмечала, что интеллигенции свойственно проигрывать наибольшее количество как постоянных, так и ситуативно-переменных речевых ролей, что и обуславливает наибольший стилистический разброс тезауруса в создаваемых ею речевых произведениях — от отдельного высказывания или их совокупности до содержательно-тематического целого. Тезаурус в действии расширяет монолитность социально-психологического языкового статуса интеллигенции. В него оказываются привнесенными языковые последствия многостороннего жизненного опыта, приобретаемого в процессе овладения культурой. Поэтому интеллигентный носитель языка способен без видимых затруднений принять и исполнить нужную речевую роль не только внутри нейтрально-литературной диглоссии, но и на ее просторечных, диалектных, профессиональных и диахронных границах. Следует отметить, что свободное смешение стилистически разнородных языковых средств — одна из базовых черт современного интеллигентного носителя языка. Так, например, в одном из интервью с Александром Розенбаумом четко прослеживается два пласта — литературный и жаргонный. С одной стороны: **«стихи и музыка рассчитаны на человека, а не на пришельца из созвездия Кассиопеи», «идет истребление человечества и культуры», «диверсия против людской психологии»** и т.д. С другой стороны: *«реальные пацаны», «все до фени», «закончить ляды», «в натуре», «в моем доме не шустри», «мочить всех»* и пр.¹¹ Аналогичное смешение различных лексических пластов наблюдается в речи и других не менее известных и популярных людей. Можно по-разному относиться к подобной диглоссии, но не признавать факта ее наличия невозможно.

Языковая личность, демонстрирующая полуобразованное владение языком, сочетающееся со слабым владением мыслью и логикой, демонстрирует неспособность приме-

нить коммуникативную стратегию «речевая маска» в связи с отсутствием навыка полного ситуативно-ролевого переключения, должной коммуникативной компетенции и творческого начала. Низкий уровень языковой, коммуникативной и филологической компетенции, ограниченность рамками определенной социальной среды, отсутствие условий, в которых возникает необходимость актуализации стилистически нейтрального варианта, не способствуют формированию и развитию селективного навыка. Все вышеперечисленное, несмотря на наличие элементов творчества у языковой личности этого типа, ставит под сомнение не только успешность исполнения роли-маски, но и саму возможность такового. Объективно возможность выбора обеспечивается языковой системой, обладающей колоссальными синонимическими ресурсами и в силу этого требующей серьезного и вдумчивого изучения, а субъективно — ценностными ориентациями коммуникантов, которые необходимо формировать не только на основе удовлетворения витальных потребностей, но прежде всего на основе возвышения духовного начала.

Таким образом, личность, использующая стратегию «языковая маска», исполняющая роль-маску и создающая образ-маску, — это личность, обладающая высоким уровнем образования и культуры, языковой и речевой компетенции, то есть элитарная, или полнофункциональная (по терминологии О. Б. Сиротининой), языковая личность, чьи коммуникативные навыки и потенции достаточно высоки.

Современная элитарная языковая личность обладает рядом черт, позволяющих говорить о ее уникальности. В их числе мы можем назвать следующие:

- во-первых, современная элитарная языковая личность представляет собою открытую систему, допускающую существование не одного, а иногда и нескольких образцов языкового сознания и моделей речевого поведения;

- во-вторых, современная элитарная языковая личность характеризуется способностью в различных ситуациях общения использовать разные языковые средства, вплоть до лингвистически релевантных личностных индексов, обозначая тем самым свое место в социальной системе, очерчивая и проявляя контуры своего образа;

- в-третьих, современная элитарная языковая личность, владеющая значимыми качествами речи — правильностью, уместностью, целесообразностью, коммуникативной культурой, — способна не только реализовывать эти качества, но и отказываться от них, попадая в альтернативную социальную среду;

- в-четвертых, современная элитарная языковая личность демонстрирует не только способность, но и психологическую готовность осуществлять переход с одного кода на другой (код в данном случае — это языковой слой, который можно рассматривать как социальный статусный признак), что позволяет ей мимикрировать среди представителей других социальных групп на фоне реальности, грозящей некомфортностью существования. Последнее представляется нам весьма значимым, поскольку является основой для построения роли-маски и формирования образа маски.

Анализ показывает, что исполнителем роли-маски становится прежде всего прагматически ориентированный тип элитарной языковой личности, отличительной чертой которого является исключительная способность менять код коммуникации как в содержательном, так и в формальном отношениях, не останавливаясь перед выбором средств, направленных на создание образа, а также отказываться от соблюдения этических и нравственных норм, превыше всего ставя достижение намеченной цели. Исполнение роли-маски и создание образа-маски может быть квалифицировано двояко:

1) как медиативный социальный ресурс, позволяющий снять социальную и психологическую напряженность;

2) как проявление нравственной беспринципности.

Психологическая готовность и коммуникативная способность современной элитарной языковой личности совершать сознательные речеповеденческие маневры с целью установления соответствия признанному или требуемому образцу должны сдерживаться и подкрепляться прочным теоретическим знанием поведенческих и морально-этических норм, их востребованностью, практической освоенностью, а также, самое главное, приверженностью личности к нравственной модели поведения, в частности выражающейся в «категорическом нравственном императиве», сформулированном И. Кантом: «Поступай так, чтобы ты всегда относился к человечеству и в своем лице, и в лице всякого другого так же, как к цели, и никогда не относился бы к нему только как к средству»¹². В связи с этим повышается роль морально-нравственной составляющей языковой личности, речевая деятельность которой должна подчиняться высоким мировоззренческим принципам: основной целеустановкой создателя речевого произведения должны быть истина и благо. Такой подход к организации процесса речевого общения и оформления речевого поведения находит отражение в классических трудах по риторике. Так, например, в «Риторике» Аристотеля дается более двадцати понятий из области этоса: благо, добродетель, дружба, справедливость и пр.

Индивид черпает свое мировоззрение из общества точно так же, как роли и самоидентификации. Его чувства, представления о себе, действия вместе со взглядами на окружающий его мир предопределяются обществом. «Личность — сжатое или сосредоточенное общество», — писал В. С. Соловьев¹³. Общество предоставляет ценности, логику и запас информации (или дезинформации), которые составляют знание, но далеко не каждый в состоянии сделать переоценку навязанной обществом картины мира не только в целом, но даже отдельных его фрагментов. Очевидно, что в формировании личности, ее нравственного потенциала большую роль играет наличие возможности выбора как жизненного стиля в целом, так и речеповеденческой модели в частности. Свободный, этически правильный выбор предполагает:

- а) знание нормы,
- б) осведомленность о существовании как минимум двух полярных эталонов,
- в) возможность выбора,
- г) знание реальных последствий выбора того или другого.

Пропагандируемый же сегодня преимущественно протеевский, игровой стиль, сущностной характеристикой которого является множественность и непостоянство или бесконечный ряд осуществляемых личностью экспериментов, направленных на изменение прежнего и создание нового востребованного образа, который в свою очередь может быть подвергнут модернизации, является вполне адаптивным для нашего времени, распространяясь на все стороны человеческого опыта. Но при этом в игру превращается то, что по сути своей игрой не является и быть не должно, нравственные законы нарушаются, отбрасываются, актерство становится образом жизни, а личность, в связи с сокращением пространства, в котором можно сбросить маску и побыть самим собой, превращается в модуль — автономную единицу, включающую в себя различные компоненты, особенною которых является способность быть перемещенными, смонтированными заново, в результате чего получится новая конфигурация. Протеевский стиль жизни формирует гуттаперчевых личностей с каучуковыми лицами, способными изменяться в зависимости от обстоятельств и рыночной конъюнктуры с полным осознанием того, что «способы выделки образа бесконечны».

Личность обретет устойчивое Я, снимет маску или сознательно откажется от нее лишь после того, как утвердится в прочности своей мировоззренческой позиции и системы ценностей, которые не колеблются от меняющихся социокультурных ситуаций и их компонентов.

Примечания

1. Евреинов Н. Н. Театр для себя. М., 1923. Ч. 3. С. 115.
2. Евреинов Н. Н. Указ. соч. С. 36.
3. Апинян Т. А. Игра в пространстве серьезного: игра, миф, ритуал, сон, искусство и другие. СПб., 2003. С. 175.
4. Евреинов Н. Н. Указ. соч. С. 77.
5. Олянич А. В. Презентационная теория дискурса. М., 2007. С. 184.
6. Шпильман М. В. Коммуникативная стратегия «речевая маска» (на материале произведений А. и Б. Стругацких) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Новосибирск, 2006. 24 с.
7. Гольдин В. Е., Сиротинина О. Б., Ягубова М. А. Русский язык и культура речи. М., 2002. С. 106.
8. Кочеткова Т. В. Языковая личность в лекционном тексте. Саратов, 1998. С. 12.
9. Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. М., 1978. С. 258—259.
10. Там же. С. 259.
11. Аргументы и факты. 2004. № 4.
12. Кант И. Основы метафизики нравственности. 1785 // Соч. : в 6 т. М., 1965. Т. 4, ч. 1. С. 270.
13. Соловьев В. С. Оправдание добра: нравственная философия // Соч. : в 2 т. М., 1988. Т. 1. С. 288.

Поступила в редакцию 06.07.2012 г.

Татьяна Алексеевна Чеботникова, кандидат филологических наук, доцент
Оренбургский государственный педагогический университет
460844, Российская Федерация, г. Оренбург, ул. Советская, 19
E-mail: chebotnikoff1@rambler.ru

T. A. Chebotnikova

Role-mask: realization and neutralization conditions

The article is devoted to the personality entrance to the sociocultural context. Having analyzed the factual material, it was figured out that an individual having passed different levels of socialization and having become a personality has the possibility to transform his speech behavior to create and change his own image according to the set goals and current problems.

Key words: speech personality, speech behavior, theatricality, role-mask.

Chebotnikova Tatiana Alekseevna, Candidate of Philology, assistant professor
Orenburg State Pedagogical University
460844, Russian Federation, Orenburg, ul. Sovetskaya, 19
E-mail: chebotnikoff1@rambler.ru